

НАДО ЛИ ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ?

Третьякова Анна Григорьевна,
*Заслуженный работник культуры РФ,
Директор Научной библиотеки ДВГУ (1969 – 1994 гг.)*

Желание писать воспоминания приходит с годами. У каждого человека своя судьба, а множество судеб с их

радостями и печалью, страданиями и драматическими событиями могут составить историю семьи, историю поколений.

Дневник вела только в годы учёбы в Ленинградском библиотечном институте имени Надежды Константиновны Крупской. Записывала восторги от исторического города, музеев, театров, архитектурных памятников, прекрасных преподавателей. После окончания вуза в 1951 году получила распределение на работу во Владивосток. Августовское яркое солнце, море, красивая бухта «Золотой рог», зелёные сопки, приветливые люди покорили меня. А ещё необыкновенную праздничную атмосферу создавали корабли вдоль берега бухты, и с каждого корабля лилась популярная песня «О, голубка моя...» в исполнении Клавдии Шульженко. Владивосток – город восторгов! Владивосток – моя судьба...

О детстве рассказывали родители, да и детская, юношеская память цепкая. В морозный декабрьский день 1928 года отец Григорий Матвеевич направился в Сельский совет Челябинской области зарегистрировать появление новорождённой. По дороге его поздравляли односельчане, приглашали отметить радостное событие. Дойдя до места назначения, отец не мог вспомнить имя, данное мне супругой Анной Павловной. Телефонов не было, домой возвращаться не захотел. «Назову Анной, пусть будут две Анны», – решил он.

Сестра Мария, отец Пакулев Г.М., мать Пакулева А.П., я, бабушка Марфа Даниловна. 1930 год.

В 30-е годы родное село пришлось покинуть. Причина – коллективизация. Единственная лошадь в нашей семье привлекла внимание приезжего уполномоченного по созданию колхоза. Кулаком отца назвать не могли: лошадь только одна, наёмных работников не было. Обвинение сняли. Лошадь не вернули – питаться лозунгами и призывами она не

умела. Вместо погибшей лошади «тройка», которая решала судьбу каждой семьи, выдала отцу «откупную» – карманные часы с тяжёлой цепочкой, не драгоценной, конечно. Часы пахать не могут, к тому же, судя по всему, они принадлежали зажиточному крестьянину,

БИБЛИОТЕКИ

не ленивцу. Отец часы взял, чтобы не перечить «деловым» людям, но, выйдя на улицу, выбросил их в кусты, помня народную мудрость – *«чужие вещи счастья не приносят»*. Решил уехать из села навсегда.

На железнодорожной станции отец пытался приобрести билеты на проходящий поезд, мать бегала с алюминиевым чайником за кипятком. Нам с сестрой было велено присматривать за вещами, но сидеть и ждать было мучительно. Казалось, что отсутствие родителей длилось очень долго. Напуганные неразберихой, творившейся вокруг, мы горько плакали, искали их. В этой суматохе не мудрено было потеряться, но разве об этом думали. Мать находила нас, снова усаживала на наши мешки, наказывая не отлучаться. Она вспоминала, что я почему-то бегала по станции со своим горшком, боясь, что его украдут, но украли сундук с «лучшими» вещами: самотканые дорожки, вязаные шали и ещё что-то. Горевать некогда, искать бесполезно.

Билеты удалось купить. Подходил поезд. Толпа обезумела: со всех сторон слышались крики, слёзы, дрались мужики. Помню, отец передал меня кому-то в окно вагона. Я волновалась: успеет ли он попасть в вагон? Успел. Семья в сборе. Поезд тронулся, пассажиры успокоились. Было уютно лежать под тулупом и засыпать под стук колёс.

Осели мы в городе Барнауле Алтайского края. Поселились в частном двухэтажном доме на окраине города. Улица тоже называлась Алтайская. Провинциальный город с дощатыми тротуарами, вернее остатками от них, деревянными домами и тополями принял нас доброжелательно. Край славился зерновыми, плодово-ягодными культурами, молочными продуктами. Рынок (здесь его называли базаром) отличался изобилием: мясо – любое, языки. Куры и утки продавались живыми и тушками. Зимой – молоко, замороженное в виде тарелок (на прилавке стояли горками), летом – в бутылках и бидонах, а уж овощей и ягод не перечить.

Съёмная квартира состояла из одной комнаты и просторной кухни, где было подполье для хранения овощных заготовок на

зиму. Обычно отец открывал крышку, ноги ставил на края подполья и легко спрыгивал в него. Попробовала сделать так же. Поставила ногу на один край, а второй не достала... Хорошо, что подполье было не очень глубоким. Отец носил меня на руках, ласково успокаивал, я хныкала, хотя не было больно.

Родители устроились на работу, жизнь входила в свою колею. Было лето. Окраина города напоминала деревню: с утра пели петухи, кудахтали куры, мирно пощипывали травку козы. Босоногая детвора с собаками целый день гоняла живность. Чью-то козу дразнили, и однажды, направив острые рога, она бросилась на нас. Все врассыпную. На моём пути оказался заострённый столбик, перепрыгнула, но зацепилась подолом ситцевого платья. Приколотая на столбик, закрыла глаза от страха. Замерла. Тихо. Можно встать. Открыв глаза, оторопела – передо мной стояла коза. Всё обошлось мирно, но было жаль порванного нового платья.

Когда солнце начинало нещадно палить, и босиком бегать по песчаным улицам было невозможно, укрывались в шалашах. Каждая девочка из этого дома на большом приусадебном участке строила шалаш. Мы ходили в гости друг к другу, показывали сшитых из тряпочек кукол. Наше детство казалось нам прекрасным и безоблачным.

В городе часто свирепствовала малярия. Не обошлось и в это лето. Я услышала шум в комнате, вбежала и увидела на полу отца. Ростом почти в два метра, отец корчился от боли, ноги и руки подпрыгивали, стучали об пол, мать держала его голову, чтобы не разбил. Страшную картину помню до сих пор, хотя мне было года три-четыре. Выбежала на улицу и пошла за людьми, идущими куда-то с красными флагами, с песнями. Оказывается, был Первомайский праздник. В потоке людей мать меня и нашла.

Напротив нашего дома стоял одноэтажный красивый особняк. Его прикрывала роскошная сирень, разросшаяся вдоль забора, сделанного оригинально – клетками. Из любопытства мы заглядывали во двор: много цветов, ровные грядки с ягодами и овощами. Думалось, что в доме живёт благополучная и счастливая

семья. В Барнаул приехала бабушка Марфа Даниловна (по отцовской линии). Хозяйка дома пригласила бабушку помочь варить варенье. Она взяла меня. К дому вела ухоженная дорожка, по краям красивые цветы. В просторной кухне хозяйка с приятным лицом в белом кружевном фартуке хлопотала у медных тазов с вареньем, источавшим потрясающий аромат. Слева от кухни был виден длинный коридор и много дверей; справа, рядом с кухней, находилась небольшая комната, у окна сидела молодая красивая женщина с гладко зачёсанными волосами. Она смотрела на пяльцы: то ли вышивала, то ли задумалась. «Почему она такая грустная, ведь в доме достаток?», – подумалось мне. Позже, увидев в художественном музее картину художника В. Тропинина «Кружевница», вспомнила эту чудную женщину, только у художника на полотне изображена молодая красавица с озорным взглядом. Вскоре дом опустел – главу семьи, инженера, арестовали, жену и дочь выслали. Через широко открытую калитку соседи уносили из дома вещи. Из любопытства я зашла в пустой дом: в светлой большой комнате молодой солдат шашкой резал огромное во всю стену полотно с изображением сражающегося рыцаря. Увиденное очень испугало. Всюду валялась сломанная мебель, были разбросаны бумаги, хозяйская беленькая, с чёрными ушками собачка скулила, мы с сестрой её забрали. Имя ласковой, умной собачки не знали, решили назвать Чайкой. Помнила ли Чайка прежних хозяев, которые сытно кормили? Наверняка помнила, но при этом она быстро освоилась с новым именем, привыкла к детворе и азартно носилась по улице. А пожухлая сирень сиротливо доживала свой век.

Шли годы. Наша семья получила жильё на первом этаже в двухэтажном доме в центре города по адресу: улица Анатолия, 88. Комната в 14 квадратных метров, кухонька. В комнате скромное убранство: стол, комод, покрытый вязаной скатертью, небольшое зеркало и семь мраморных слоников, шкаф для одежды, две кровати – для родителей и старшей сестры Марии, а я устраивалась на ночь на сундучке.

В жаркий день река Обь звала нас. Мне нравилось сидеть на берегу полноводной тогда реки, смотреть на большие белые пароходы и фантазировать. Хотелось побыть среди пассажиров, полюбопытствовать, куда они едут. Видимо, эти размышления зародили страсть к путешествиям. Весёлым развлечением был дождливый день. Сибирские дожди мощные, с яркой молнией и громом, казалось, небо вот-вот расколется. Стихия не пугала, наоборот, увлекала: широкие ручьи текли по дороге, а мы, шлёпая босыми ногами по пузырям, кричали: «*Дождик, дождик пуще...*». После дождя – небо чистое, солнце яркое, мы мокрые, счастливые располагались на травке, обсушивались, вдыхали ароматный воздух от цветов «табачок». Наш большой двор позволял играть в лапту, очень популярную в то время. Две команды состязались в сноровке, ловкости, забивая мяч через сетку. К сожалению, ныне игра забыта, а зря – физическая подготовка была отменной. Увлекаясь, мы забывали родительские поручения, но не забывали главное – принести воду из колонки, так как водопровод в доме отсутствовал, как и другие удобства. Колонка находилась далеко от дома. Наполняли водой два ведра, присев, устраивали коромысло на плечи, надевали дужки вёдер на крючки, шли осторожно, чтобы не расплескать воду. Это трудное занятие приходилось выполнять не один раз в день.

В большом дворе были ещё три небольших дома. В одном из них, с отдельным входом, жила одинокая старушка. О ней никто ничего не знал. Жизнь детворы проходила с утра до позднего вечера на улице, поэтому иногда видели, как старушка в пенсне выходила из дому под церковный колокольный звон, опираясь на трость, в длинной чёрной юбке и кофте. Она спокойно шествовала, не обращая на нас никакого внимания. Через несколько дней, играя во дворе в любимую лапту, мы увидели старушку, сидящей на своём крыльце. Подошли. Улыбнувшись, она пригласила нас войти в маленькую квартирку. Прихожая вела в комнатку с одним окном, затемнённым плотной шторой; стены увешаны множеством икон, горела лампада. В наших квартирах ничего подобного не

БИБЛИОТЕКИ

было и не могло быть, так как нас убеждали, что «религия – опиум для народа». Кто она? Почему живёт одна? Нам бы спросить да поговорить с ней. Наверное, мешала детская беспечность. А жаль. Много интересного и поучительного могла бы нам рассказать загадочная соседка.

Ещё была одна встреча. Во дворе стояли ветхие сараи для хранения дров на зиму. Домоуправление решило заменить их. Каждому жильцу было велено вынести скарб из своего сарая, а старушке то ли забыли сказать, то ли решили сделать за неё. В своём новом сарае она не обнаружила маленького свёрточка с золотыми украшениями, хранившегося в дровах. Ей хотелось рассказать кому-нибудь о пропаже своих драгоценностей. Выбрала нас. Но почему не горюет? К нашему удивлению услышали: «Ничего, всё к лучшему». Пожилая женщина знала, что жизнь – это и есть ценность.

Наш деревянный дом старой постройки был очень тёплым. Несмотря на сорокоградусные морозы, в квартире, обогреваемой печкой, сохранялось тепло до утра. Когда открывалось окно в тёплые дни, рама с тонкими переплётами приятно звенела, как будто приветствовала наступивший день. Да, мастера строили дом на совесть. Печка с плитой стояла в маленькой прихожей. Над плитой, в глубине, ещё была печь с заслонкой. В ней тоже можно было варить пищу в чугунах, но мать здесь пекла блины и пироги. В студенческие годы я вспоминала, как она укладывала берёзовые поленья в печь, поджигала бересту, заставляя огонь весело плясать. Потом часть обгоревших головёшек сдвигала ухватом к стенкам печи, на передний край сгребала угли и ставила на них чугунные сковороды с тестом. Блин мгновенно запекался снизу и сверху. Горячий блин макали в растопленное сливочное масло, скупо налитое в блюдечко. Фантастическое лакомство! В Сибири лучшее угощение для гостей – это блины и пельмени. Но это было до войны...

Была квартира, хоть и небольшая, у родителей работа, но отцу вряд ли нравилась городская жизнь. Несмотря на свой сдержанный характер, он, видимо, в кругу знакомых высказывал своё мнение,

Я с отцом. 1940 год

что было опасно. До сих пор помню ночной вой машин, названных в народе «чёрный ворон». Поздним вечером в окно постучал приятель отца, они тихо о чём-то говорили. Наутро отца уже не было дома. Это был 1940-й год. Первое письмо получили из города с загадочным для меня названием Игарка. Потом холодный Север отец сменил на тёплый Казахстан. Вскоре началась Великая Отечественная война. Он ушёл на фронт. Незадолго до его поспешного отъезда из Барнаула, фотографировались. Как славно, что у меня есть эта маленькая фотография. Я похожа на отца. Он очень любил меня. Иногда, во время праздничного застолья, становился словоохотливым. Обнимая меня, говорил: «Нюську (так он меня называл) не трогайте, Нюська – моя, Нюська в сердце у меня».

1941 год. 22 июня. Репродуктор («тарелка») у нас никогда не выключался. Обычно утро начиналось мелодией «Рассвет над Москвой-рекой», потом была утренняя гимнастика под бодрый голос спортивного комментатора. Гимнастикой себя не утруждала, но вставать с тёплой постели было веселее. В это утро передавалось тревожное сообщение о нападении на Советский Союз фашистской Германии. Это означало, что мирная жизнь закончилась.

Провинциальный город с первых грозных дней Великой Отечественной войны зажил по военному распорядку. Всюду плакаты «Родина-мать зовёт!». Окна домов оклеены

бумажными лентами. За короткий срок на пустом месте были возведены строения для оборонных предприятий, доставленные с западных районов страны. Введены карточки на продовольственные товары, восьмичасовой рабочий день, шестидневная трудовая неделя, а зачастую и без выходных. Отменены отпуска. Взрослое население трудилось на заводах по-боевому: без выходных. Госпитали принимали раненых фронтовиков. Не забыть случай: мимо нашего окна проходил молодой человек с изуродованным лицом. Улыбнулся, что-то сказал. Я не узнала его. Здесь, в глубоком тылу, наяву увидела, что такое война. За четыре года войны мы, дети, много видели страданий, горьких слёз о потерях родных. Быстро взрослели – научились топить печь, носить воду, выполнять прочую домашнюю работу; не всегда были сыты, учились без контроля со стороны родителей, а главное, не обласканные.

Разве забудется призыв-песня Бориса Александрова *«Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!..»*. Люди прилипали к репродукторам, когда диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан неповторимым голосом читал сводки с фронтов войны. Даже тогда, когда были неудачи в начале войны, Левитан и неутомимые военные корреспонденты в газетах и кинохрониках, рассказывая о событиях с фронтов, вселяли веру в Победу Советской армии и народа. Дети старались лучше учиться, учителя проявляли терпение к нашим шалостям на переменах. Весь учебный год работали бесплатные кружки. В Новый год устраивали ёлки, были подарки – серые вкусные булочки. Такими же булочками, винегретом и ягодным морсом школа угощала десятиклассников на выпускном вечере. Булочки давали и в Краевой детской библиотеке на новогодних праздниках.

Нам, как семье фронтовика, дали землю для посадки картофеля в поле за 25 километров от города. Пообещали вывезти урожай. Осенью выкопали картошку, мешки взвалили на телегу. Старая лошадь, еле перебирая ногами, тащила воз. Сесть на телегу не посмели. Уставшие мать и сестра плелись по бездорожью, а я держалась за оглоблю, видела печальные глаза лошади,

полузакрытые тяжёлыми веками с длинными ресницами. Лошадь часто останавливалась, мы со страхом смотрели на неё, боясь, что она рухнет на землю и уже не сможет подняться. Поздним вечером, осилив нелёгкий путь, добрались до города.

Моей бабушке по отцовской линии, Марфе Даниловне, говорю запоздалое спасибо за встречу с красивым человеком. Бабушка помогала по хозяйству Ольге Ильиничне Ислентьевой, учительнице по классу фортепиано музыкальной школы имени А.К. Глазунова. Ольга Ильинична предложила привести меня в музыкальную школу, чтобы меньше находилась без присмотра. Для подготовки к занятиям надо было вставать рано утром, бежать в музыкальную школу, чтобы воспользоваться свободным инструментом. Зная, что свет в школе до начала уроков не включался, я догадалась сделать фонарик: в маленькую бутылочку наливала керосин, из картошки вырезала кружок с дырочкой, протягивала фитилёк. Школа находилась далеко, городской транспорт отсутствовал. Тусклые фонари да белые сугробы снега освещали дорогу. Двенадцатилетняя девчушка, перевязанная тёплым платком, в тёплых валенках (в Сибири назывались пимы), храбрилась, думала только об одном – не разлить бы содержимое бутылочки. Через два с половиной года пришлось расстаться, так как учиться музыке без инструмента невозможно.

Зима радовала снегопадами, прятками в сугробах. Летом в лесу было много малины, черники, осенью собирали грибы. Как-то по радио руководитель огромного барнаульского совхоза обратился к школьникам с просьбой выйти на сбор малины и смородины. Первый день прошёл весело: ягоды собирали в корзину, ели досыта. Уставшие, быстро заснули. Ночью вскочили, зажгли свет. О, ужас! По постели бегали кусачие клопы. Слышали, что коварных насекомых отпугивает свежая полынь. Нарвали свежих веток. Не помогло. Несмотря на все уговоры бригадира остаться на другой день, мы не согласились. За один день заработали по ведру ягод.

Во время войны московские театры и киностудии были эвакуированы в Алма-Ату, Ташкент. Там жилось сытнее. Проездом артисты останавливались в Барнауле. Впервые город увидел

БИБЛИОТЕКИ

Московский цирк. А детям – радость необычайная! Восхищались смелыми акробатами, их полётами под куполом цирка, но самыми желанными были клоуны, особенно озорной Алекс. Он выделывал такие трюки, что удержаться от смеха было просто невозможно. Я была с подружкой, которая не выпускала из рук старую дамскую сумочку, видимо, мама отдала ей за ненадобностью. Над проделками клоуна мы хохотали, подружка не заметила, как сумочка скатилась с колен на пол. После антракта зрители заняли свои места, мы тоже. Перед началом представления на арену вышел конферансье и спросил: «*Дамы, кто потерял сумочку?*». Моя подружка, узнав свою сумочку, застенчиво пошла за ней. Мне интересно было узнать, что же хранилось в ней. Попросила раскрыть. Это был уже другой цирк! В сумочке лежали цветные стеклянные осколки, через которые мы любили смотреть на солнце. Кусочки стекла были для нас тогдашним калейдоскопом. Подороге домой хохотали уже над курьёзным случаем, но поступок администратора оценили. Он понял, что для девочек стекляшки были детскими игрушками.

Вездесущие подростки узнали, что в летнем театре будет музыкальный спектакль «Мадемуазель Нитуш», в главной роли Целиковская! На спектакль попасть очень хотелось, но денег на билеты не было. По бокам широких дверей стояли бдительные билетёрши. Пользуясь скоплением запоздалых зрителей, мы незаметно проскочили. Пробегаем в конец зала, устраиваемся на полу. Открывается занавес. Показалось, что Людмила Целиковская сошла с экрана фильма «Сердца четырёх». За что же мы её любили? Наверное, за симпатичность, простоту, милый голос. Мы обожали киноактёров: величественную Аллу Тарасову, восхищались Верой Марецкой, подражали Любви Орловой и Валентине Серовой. Самыми красивыми женщинами казались Лидия Смирнова и Марина Ладынина. Нравились улыбки Петра Алейникова, Евгения Самойлова, Николая Крючкова. Фильмы с их участием смотрели по многу раз. Кинотеатр с доступными ценами был основным

культурным центром. В 1944-м году на гастроли приезжала популярнейшая исполнительница лирических песен Клавдия Шульженко. Концерт проходил в клубе Меланжевого комбината. Клавдия Шульженко исполняла «Руки», «Давай закурим», задорную «Рио Риту». Завораживая слушателей, она пела о том, что волновало каждого: о любви, встречи, расставаниях, печали и радости, а публика ждала любимую на фронте и в тылу песню «Синий платочек». Многие плакали, когда Шульженко вскинула синий платочек над головой: *“За них, родных, /Любимых, желанных таких, /Строчит пулемётчик, /За синий платочек, /Что был на плечах дорогих!”* Никто из современных артистов не споёт песни про тёмную ночь и «Враги сожгли родную хату» так, как пел их Марк Бернес; никто не повторит одессита Мишку, который «не теряет бодрость духа никогда» так, как пел Леонид Утёсов, первый из артистов эстрады, ставший Народным артистом СССР. Актёры эстрады, музыкальных и драматических театров были почитаемы за мастерство исполнения. Фонограмм не было.

Май 1945 года. Страна празднует долгожданную Победу! Бойцы возвращаются домой. Поезд в Барнаул приходил рано утром. Я очень хотела встретить отца первой. Заплетала косички, гладила бантики, надевала праздничный сарафан (тот же, что на фото с отцом) и бежала на железнодорожный вокзал. Гудок поезда извещал о его приближении, толпа волновалась, я тоже. Играл оркестр, было торжественно. Состав медленно приближался, казалось, что даже паровоз улыбался от счастья. Сердце замирало... Как сейчас помню, офицеры ехали в вагонах, а солдаты – в теплушках. В руках солдат букетики полевых цветов, которыми их одаривали жители полустанков. Бравый солдат с кудрявым чубом картинно облокотился на открытую дверь, пилотка набекрень, широкая улыбка – улыбка Победителя! Ни в тот день, ни в другой я так и не встретила отца. Он вернулся домой спустя год, после лечения в госпитале.

БИБЛИОТЕКИ

Сохранилась фотография отца с однополчанами и приказ (в виде удостоверения) Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина от 13 апреля 1945 года, № 334, где объявлялась благодарность всем участникам освобождения от немецких захватчиков столицы Австрии Вены, в том числе и моему отцу. Отец с первого и до последнего дня был на фронте. Были медали.

Отец Пакулев Г.М. с однополчанами – 3-й справа, последний ряд

Часто вспоминаю своего отца. Окончив первый курс, я приехала на каникулы. Лето выдалось жаркое. Как-то открывается окно, отец протягивает мне кругленькое мороженое, с двумя вафельками: одну продавец закладывала в металлический стаканчик и ложкой добросовестно заполняла мороженым, выталкивала наверх, прикрывала другой. Держишь лакомство и медленно слизываешь. О!.. какое блаженство для не избалованных сладостями детей! Не столько мороженое было сладким, сколько отцовское внимание.

Мой дед Третьяков Павел Иванович, бабушка Мария Ивановна со старшим сыном и снохой

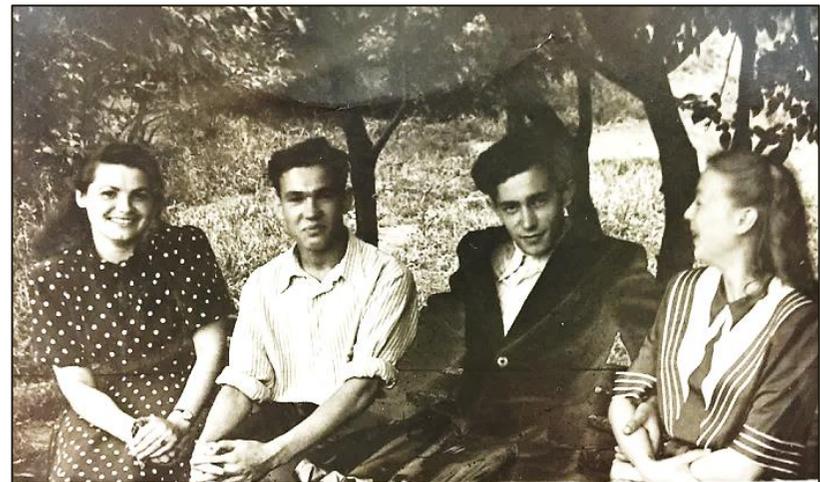
Летом отец работал в рыболовецкой артели. Помню, как мы с ним ставили сети на озере. Был тёплый вечер. Отец спокойно вёл лодку, серебристые караси играли в заросшем белыми лилиями озере. Вот эту красоту отец и хотел мне показать. Он молча вёл лодку. О чём думал потомственный крестьянин? Может быть о своей малой родине, где когда-то жили родные жены: отец Третьяков Иван Павлович, мама Мария Ивановна – сосланы за несогласие вступить в колхоз; их два сына – погибли в Первую мировую войну 1914 года. О войне отец никогда не вспоминал, только однажды на мою просьбу рассказать, односложно ответил: *«Война есть война, всякое случалось, первый год пришлось отступить, не хватало боеприпасов, потом жестокие бои в наступлениях, но страшнее рукопашного боя – ничего нет»*. Он не мог забыть рукопашного боя, как и Юлия Друнина – *«Я только раз видала рукопашный. / Раз – наяву. И тысячу – во сне...»*.

Третьяков А.П., младший сын деда с женой и сестрой

За годы войны Барнаул стал другим. На развитие города заметное влияние оказало появление крупных заводов с инженерными и научными специалистами, открытие новых высших учебных заведений и многое другое. **Вспоминаю своё детство, детство друзей, наше скромное житьё-бытьё и думаю, как сумели мы, дети войны, пережить все тяготы, не сбились с пути –«все вышли в люди». Просто верили в своё будущее.**

Не забыть тёплые вечера, когда возвращались из кинотеатра. Просим Володю Ворожбитова спеть *«Ах, ты душечка, красна девица...»* из кинофильма «Музыкальной истории». Пел он замечательно! Володя окончил местный сельскохозяйственный институт, защитился, преподавал. Юра Деревцов тоже учился в Сельскохозяйственном. Нашли свою судьбу славные подружки Люся Деревцова и Зина Попова. Володя Зинатулин стал журналистом. Девчонки обожали его за доброту и юмор. Однажды он удивил меня. Рано утром Володя занял очередь в магазин за хлебом, который получали по карточкам. Стоим уже два часа. *«Володя, почему ты держишь руки над головой», – спрашиваю. «Чтобы никто не заподозрил, что я могу кому-нибудь залезть в карман», – застенчиво отвечает.* Я внимательно посмотрела на него. Володя был одет в белую рубашку с завязками на рукавах, такую рубашку солдаты носили под гимнастёркой. Юноша не стеснялся носить нижнее солдатское бельё вместо верхней одежды. Доброе имя для него было главным. Мы девчонки тоже выглядели далеко не принцессами, а ведь нам к концу войны исполнилось 16 лет!

Я с друзьями: Зина Попова, Юра Деревцов, Володя Зинатулин.
1951 год